

УДК 341.6(076.5)

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОДСУДНОСТЬ В ДОГОВОРАХ О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. Н. РОМАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются некоторые проблемные аспекты исключительной международной подсудности в договорах о правовой помощи, заключенных Республикой Беларусь. Исследуются вопросы, касающиеся признаков исключительной компетенции судов по трансграничным гражданским делам, ее отличительных особенностей по сравнению с исключительной внутригосударственной подсудностью. Обосновывается необходимость трактовки безальтернативной судебной компетенции, установленной международными договорами о правовой помощи по отдельным категориям дел в качестве эксклюзивной судебной компетенции.

Ключевые слова: исключительная международная подсудность; договор о правовой помощи; международный гражданский процесс; трансграничные гражданские дела.

EXCLUSIVE INTERNATIONAL JURISDICTION IN CONTRACTS ON LEGAL AID OF THE REPUBLIC OF BELARUS

O. N. RAMANAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Article is devoted to the analysis of problem aspects of exclusive international jurisdiction in the contracts on legal aid signed by Republic of Belarus. The questions concerning signs of exclusive competence of the courts on cross-border civil cases, its distinctive features in comparison with exclusive interstate jurisdiction are investigated. Need of interpretation of the uncontested judicial competence established by international treaties on legal aid on separate categories of affairs in quality of exclusive competence is proved.

Keywords: exclusive international jurisdiction; contract on legal aid; international civil process; cross-border civil cases.

Введение

Каждое государство, устанавливая пределы компетенции своих судебных органов в рамках как внутригосударственной территориальной подсудности, так и подсудности трансграничной, использует разные правила (критерии), что и предопределяет существование различных видов территориальной (международной) подсудности: общей, альтернативной (подсудности по выбору истца), исключи-

тельной, подсудности по связи дел, договорной. При этом законодатель для обозначения той или иной территориальной подсудности применяет не только определенный критерий (конкретное место), но и, как правило, соответствующее название. Все перечисленные виды внутригосударственной территориальной подсудности, за исключением некоторых незначительных терминологических различий,

Образец цитирования:

Романова ОН. Исключительная международная подсудность в договорах о правовой помощи Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2020;3:78–83.

For citation:

Ramanava ON. Exclusive international jurisdiction in contracts on legal aid of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2020;3:78–83. Russian.

Автор:

Ольга Николаевна Романова – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Olga N. Ramanava, PhD (law), docent; head of the department of civil procedure and labour law, faculty of law.
ramanovaon@bsu.by

законодатель использует в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК Республики Беларусь) и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК Республики Беларусь). В связи с этим квалификация соответствующего вида внутригосударственной подсудности (отнесение того или иного правила к определенному виду подсудности) чаще всего не вызывает сложностей, в отличие от квалификации видов

международной подсудности. Особенно актуальной является проблема квалификации компетенции судов конкретного государства по трансграничным делам в качестве исключительной (эксклюзивной), что обусловлено в первую очередь особыми последствиями нарушения указанного вида подсудности – отказом в признании и исполнении данного решения на территории того государства, исключительная компетенция судов которого нарушена.

Основная часть

Исключительная компетенция судов Республики Беларусь по трансграничным делам регламентируется внутренним законодательством и международными договорами. Правовое регулирование правил исключительной компетенции в международных договорах (анализироваться будут договоры о правовой помощи) имеет ряд существенных отличий. В частности, в международных договорах, заключенных Республикой Беларусь, реализованы подходы, которые условно можно разделить на три группы.

Первый подход состоит в закреплении перечня дел, относящихся к исключительной компетенции юрисдикционных органов соответствующей страны (Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г., заключенное правительствами государств – участников Содружества Независимых Государств в Киеве (далее – Киевское соглашение), Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (далее – Минская конвенция), Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (далее – Кишиневская конвенция)). В частности, Киевское соглашение относит иски субъектов хозяйствования о праве собственности на недвижимое имущество к исключительной компетенции судов государства – участника Содружества Независимых Государств, на территории которого находится имущество (п. 3 ст. 4). Дела о признании недействительными полностью или частично не имеющих нормативного характера актов государственных и иных органов, а также дела о возмещении убытков, причиненных хозяйствующим субъектам такими актами или возникших вследствие ненадлежащего исполнения указанными органами своих обязанностей по отношению к предприятиям, производящим, продающим либо приобретающим товары, принадлежат к исключительной компетенции судов той страны, где соответствующий орган размещен (п. 4 ст. 4). Данная компетенция в силу прямого запрета не может быть изменена договоренностями сторон (абз. 2 п. 4 ст. 4).

В Минской и Кишиневской конвенциях правовое регулирование исключительной компетенции

имеет, по сравнению с Киевским соглашением, важную особенность. С одной стороны, обе конвенции в п. 3 ст. 20 и п. 3 ст. 22 соответственно прямо устанавливают исключительную компетенцию судов по искам о праве собственности и иных вещных правах на недвижимое имущество по месту нахождения имущества. Надо полагать, что и в абз. 3 п. 3 названных статей закреплена исключительная компетенция в отношении исков к перевозчикам, вытекающих из договоров перевозки грузов, пассажиров и багажа, по географическому расположению транспортной организации, к которой в установленном порядке была предъявлена претензия. Также обе конвенции признают исключительной компетенцию, вытекающую из других норм, установленных частями II–V раздела II, и из внутреннего законодательства договаривающейся стороны.

Таким образом, ст. 21 Минской конвенции и ст. 23 Кишиневской конвенции исключительной признают компетенцию, вытекающую не только из п. 2 ст. 20, но и из **иных норм соответствующих разделов конвенций**, где принята **безальтернативная компетенция** учреждений юстиции конкретного государства, хотя термин «исключительная компетенция» в них не употребляется.

Второй выделенный нами подход в правовом регулировании исключительной компетенции судов состоит в отсылке к внутреннему законодательству государств в рамках экзекватуры, т. е. косвенного способа установления международной подсудности, суть которого заключается во введении в международный договор в качестве условия признания иностранных решений правила о вынесении их судом, компетентным с точки зрения государства, где они должны быть признаны (Договор между Республикой Беларусь и Республикой Болгария о правовой помощи по гражданским делам от 21 февраля 2007 г. (п. 2 ст. 16), Договор между Республикой Беларусь и Республикой Зимбабве о взаимной правовой помощи по гражданским и экономическим делам от 17 января 2019 г. (п. 6 ст. 15), Договор между Республикой Беларусь и Исламской Республикой Иран о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 7 ноября 2006 г. (п. 2 ст. 32), Договор между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о правовой по-

мощи по гражданским и уголовным делам от 11 января 1993 г. (п. 2 ст. 21), Договор между Республикой Беларусь и Монголией о взаимной правовой помощи по гражданским и экономическим делам от 4 июня 2018 г. (п. б ст. 16), Договор между Республикой Беларусь и Республикой Сербия о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 12 марта 2013 г. (абз. 3 ст. 29), Договор между Республикой Беларусь и Сирийской Арабской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 23 сентября 2008 г. (п. 1 ст. 19)).

Кроме вышеперечисленных способов закрепления в международном договоре исключительной компетенции судебных органов договаривающихся государств, есть еще один, с нашей точки зрения, весьма неоднозначный. Он применен, в частности, в международных соглашениях с Кубой (Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г.), Чехией (Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 12 августа 1982 г.), Латвией (Договор между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 21 февраля 1994 г.) и Литвой (Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 20 октября 1992 г.).

В чем же проявляется своеобразие установления исключительной компетенции в перечисленных договорах с Кубой, Чехией, Латвией и Литвой? Они устанавливаются в качестве одного из оснований для отказа в признании или исполнении судебного решения нарушение правил исключительной компетенции, предусмотренной не только внутренним законодательством государства, где испрашивается признание и исполнение, но и самим договором о правовой помощи. Так, в соответствии с п. 4 ст. 59 договора с Литовской Республикой в признании или исполнении решения суда может быть отказано, если положениям договора, а в случаях, не предусмотренных им, по законодательству договаривающейся стороны, на территории которой решение должно быть признано и исполнено, дело относится к исключительной компетенции ее учреждений. Аналогичные формулировки содержатся и в других упомянутых выше соглашениях (п. 3 ст. 50 договора с Кубой, п. е ст. 60 договора с Чехией, п. 4 ст. 56 договора с Латвией). Вместе с тем ни в одном из них термин «исключительная компетенция» применительно к отдельным категориям дел не употребляется. Означает ли это, что в данном случае мы должны констатировать наличие пробела в правовом регу-

лировании? Или анализируемые договоры закрепляют исключительную компетенцию суда, не прибегая к соответствующей терминологии? Полагаем, что применительно к международному договору (в отличие от национального законодательства) наличие термина «исключительная» не является обязательным признаком соответствующей компетенции. На наш взгляд, толкование договорных норм о компетенции учреждений юстиции договаривающихся государств позволяет утверждать, что к исключительным правилам международной подсудности относятся правила компетенции по определенным категориям дел, изложенные в международном договоре безальтернативно (императивно), в подтверждение чего приведены следующие основные аргументы.

1. Несомненно, отнесение того или иного дела к исключительной подсудности (как внутригосударственной, так и международной) имеет целью привязать рассмотрение дела к определенной территории и избежать возможности рассмотрения этого дела судом, юрисдикция которого распространяется на другую территорию. Это достигается запретом заключать пророгационные соглашения по делам, отнесенным к исключительной компетенции судов какого-либо государства, а также непризнанием решения иностранного суда, вынесенного с нарушением исключительной компетенции суда, где испрашивается признание и исполнение.

Менее очевиден вопрос о причинах выбора законодателем тех или иных дел, которые нуждаются в подобной «привязке». В юридической литературе, как известно, на эту тему ведется немало дискуссий, касающихся как внутригосударственной, так и международной подсудности. При этом причина установления внутригосударственной исключительной подсудности имеет, по крайней мере для правоприменителя, второстепенное значение, поскольку достаточным является наличие его формального признака – использования законодателем слова «исключительная», например, в названии ст. 48 ГПК Республики Беларусь «Исключительная подсудность». Заметим, что данная норма выполняет в настоящее время двойную функцию, определяя одновременно и международную, и внутригосударственную подсудность. В ХПК Республики Беларусь законодатель прибегает к термину «исключительная подсудность» не только для целей внутригосударственной территориальной подсудности (ст. 51), но и подсудности международной (ст. 236). В связи с этим напомним, что квалификация вида подсудности в отношении перечисленных в соответствующих статьях ГПК и ХПК дел сложностей не вызывает.

Что касается международных договоров, то в тех случаях, когда не применяется формальный критерий (соответствующая терминология), на первый план выходят проблема выяснения при-

чины и цели установления определенного правила подсудности и, как результат, последствий его нарушения.

2. Традиционно к правилам исключительной подсудности (как внутригосударственной, так и международной) относят споры о правах на недвижимое имущество. Так, согласно ч. 1 ст. 48 ГПК Республики Беларусь иски о правах на земельные участки, здания, помещения, сооружения, другие объекты, прочно связанные с землей, предъявляются по месту нахождения данных объектов. В соответствии с ч. 1 ст. 51 ХПК Республики Беларусь иски о признании права собственности на недвижимое имущество, споры о нем, в том числе об истребовании имущества из чужого незаконного владения либо устранении нарушений прав собственника или другого законного владельца, не имеющих отношения к лишению права владения, и иные иски о правах на недвижимое имущество предъявляются в суд, рассматривающий экономические дела, по месту его размещения. Статья 236 ХПК Республики Беларусь закрепляет исключительную компетенцию судов Республики Беларусь по спорам, предметом которых является недвижимое имущество, если оно находится на территории Республики Беларусь, также об установлении факта владения недвижимостью или права на нее.

При этом для обоснования внутренней исключительной подсудности в качестве основного довода используется близость объекта спора или доказательственного материала к месту судебного разбирательства [1, с. 201]. Применительно к международной подсудности приведенный аргумент считается даже более весомым, чем в случае с внутренней подсудностью, «в особенности из-за большей обременительности процесса судебным поручением о собирании доказательств за границей, необходимостью перевода полученной информации на язык судопроизводства, высокой вероятностью ошибок, которые могут при этом допускаться» [2, с. 103]. Необходимость исключительной подсудности исков о правах на недвижимость можно объяснять иными причинами: стремлением избежать ситуации, когда вопрос о вещных правах на недвижимость, находящуюся на территории одной страны, решался бы по законам другой страны; верховенством власти государства над собственной территорией (иностранное судебное разбирательство по такому иску представляется нарушением государственного суверенитета [2, с. 103]); особенностью вещных прав (вещный иск потенциально затрагивает интересы множества субъектов, его рассмотрение по месту нахождения недвижимости обязательно, поскольку обеспечивает равные возможности судебной защиты для всех лиц, имеющих в деле правовой интерес, а также соблюдение принципов открытости и концентрации сведений о вещных правах [2, с. 118–119]).

Кроме споров о правах на недвижимое имущество, к исключительной компетенции по трансграничным делам относят и иные споры. Например, в Республике Беларусь это дела по спорам в отношении находящегося в государственной собственности имущества, в том числе по спорам, связанным с его приватизацией и принудительным отчуждением для государственных нужд; по спорам о признании недействительными записей в государственных реестрах (регистрах, кадастрах), произведенных государственным органом Республики Беларусь, в компетенцию которого входит ведение данного реестра (регистра, кадастра); по спорам, касающимся учреждения, регистрации или ликвидации на территории Республики Беларусь юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также обжалования решений органов управления этих юридических лиц; об экономической несостоятельности (банкротстве) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, местом нахождения или местом жительства которых является Республика Беларусь, и другие споры (ст. 236 ХПК Республики Беларусь). В перечисленных делах установление исключительной подсудности направлено на преодоление конфликта юрисдикции в особо важных для государства вопросах, список которых государство определяет самостоятельно [3, с. 464].

Таким образом, наиболее очевидные причины отнесения того или иного дела к исключительной компетенции судов государства кроются прежде всего в сущности дела, однако, с нашей точки зрения, имеют место и иные причины, в частности, источник правового регулирования. Международный договор, как источник правового регулирования, обладает существенной спецификой, которая не может не отражаться на квалификации видов подсудности.

3. Для квалификации безальтернативных правил подсудности, установленных в международных договорах по отдельным категориям дел, необходимо ответить на вопрос о том, допустимо ли субсидиарное применение правил внутригосударственной подсудности договаривающихся государств, заключающих соглашение. По нашему убеждению, однозначно недопустимо. **Иной подход снижает эффективность договорных норм**, одной из основных целей которых касательно исследуемого вопроса является предотвращение конфликтов юрисдикции. Субсидиарное применение норм внутреннего законодательства недопустимо в силу принципа приоритета международных договоров, установленного внутренним процессуальным законодательством Республики Беларусь (ч. 3 ст. 25 ХПК, ст. 543 ГПК). Кроме того, исполнение государствами обязательств, вытекающих из международно-правового акта, должно базироваться на основополагающем принципе международного

права *pacta sunt servanda*: каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (ст. 26 Венской конвенции Организации Объединенных Наций от 23 мая 1969 г. (далее – Венская конвенция) «О праве международных договоров»). Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора (ст. 27 Венской конвенции). Таким образом, государство, принявшее на себя обязательства по международному договору, должно выполнить их независимо от положений собственного законодательства.

Правильность выводов о недопустимости субсидиарного использования правил внутригосударственной подсудности при наличии соответствующего регулирования в международном договоре подтверждает судебная практика Республики Беларусь. Есть примеры, когда суд прекращал производство по делу при предъявлении исков о возмещении вреда, причиненного на территории Литовской Республики. Так, один из районных судов, разобрав гражданское дело по иску Ф., З., постоянно проживающих в Республике Беларусь, к общественному учреждению – санаторию «Б.», расположенному в Литовской Республике, о возмещении вреда, пришел к следующему выводу относительно своей компетенции по данному делу:

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК Республики Беларусь суд прекращает производство по делу, если дело не подлежит рассмотрению в судах ввиду его неподведомственности.

В соответствии со ст. 544 ГПК подсудность судам Республики Беларусь гражданских дел по спорам, в которых участвуют иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные юридические лица, а также по спорам, по которым хотя бы одна из сторон проживает за границей, определяется законодательством Республики Беларусь, если иное не установлено международными договорами Республики Беларусь или письменным соглашением сторон. Между Республикой Беларусь и Литовской Республикой 20.10.1992 подписан Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, вступивший в силу 11.07.1993, п. 1 ст. 41 которого установлено, что обязательства о возмещении вреда, кроме вытекающих из договоров и иных правомерных действий, определяются законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда. Пунктом 2 ст. 41 Договора определено, что по делам, названным в п. 1

ст. 41, компетентно учреждение юстиции Договаривающейся Стороны, на территории которой имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда. Как следует из п. 3 устава, общественное учреждение – санаторий «Б.» является юридическим лицом, наделенным хозяйственной, финансовой, организационной и правовой самостоятельностью (п. 3 устава). Согласно регистрационному удостоверению учреждение зарегистрировано на территории Литовской Республики 24.03.1997. Причинение вреда здоровью З., 2001 г. рождения, послужившее основанием для заявления требований о возмещении вреда, имело место на территории Литовской Республики. Таким образом, из субъектного состава участников правоотношений следует, что данный спор подведомствен компетентному учреждению юстиции Литовской Республики, на территории которой имели место обстоятельства, послужившие основанием для требования о возмещении вреда. На основании вышеизложенного суд считает, что производство по делу подлежит прекращению ввиду неподведомственности¹.

Отметим, что по искам о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина в Республике Беларусь, установлена внутригосударственная альтернативная (по выбору истца) подсудность. Такие иски могут предъявляться по общему правилу подсудности (месту жительства или нахождения ответчика), а также по месту жительства истца или причинения ему вреда (ч. 6 ст. 47 ГПК Республики Беларусь). Вместе с тем суд пришел к абсолютно верному, с нашей точки зрения, выводу о том, что в данном случае недопустимо руководствоваться правилами внутреннего законодательства. По понятным причинам мы не затрагиваем вопрос о целесообразности введения в международный договор императивного правила, что выходит за рамки заявленной темы статьи. Однако подобное регулирование вряд ли можно признать соответствующим характеру нарушенного права. Очевидно, что если законодатель посчитал необходимым установить для истца по иску о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, дополнительные благоприятные правовые гарантии в виде права выбрать компетентный суд, такая гарантия должна быть ему предоставлена и в случае, если речь идет о трансграничном споре.

4. Смысл и назначение прописанных в международных договорах правил подсудности по отдельным категориям дел заключается в сохранении целостности (единства) правового регулирования по соответствующим категориям дел, что дости-

¹Подсудность судам Республики Беларусь гражданских дел по спорам, в которых участвуют иностранные юридические лица, определяется законодательством Республики Беларусь, если иное не установлено международными договорами Республики Беларусь или письменным соглашением сторон. (См.: Определение районного суда от 13 февраля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=s017v0035s&q_id=1664949 (дата обращения: 22.06.2020)).

гается подчинением всего правоотношения законодательству (как материальному, так и процессуальному) **одного государства**: применимое материальное право и компетентное учреждение юстиции устанавливаются чаще всего исходя из одного критерия. Например, в соответствии со ст. 41 Договора Республики Беларусь с Литовской Республикой по делам о возмещении вреда при решении коллизионного вопроса и международной подсудности используется привязка к территории,

где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда.

5. Как мы уже упоминали, в практике заключения международных договоров есть прецеденты квалификации любой установленной безальтернативно компетенции в качестве исключительной, вне зависимости от того, употребляется ли термин «исключительная» в соответствующей норме (Минская и Кишиневская конвенции).

Заключение

Для квалификации правил международной подсудности в качестве исключительных важное значение имеет источник правового регулирования. Содержащиеся в международных договорах о правовой помощи правила определения компетентного суда по конкретным категориям дел должны классифицироваться как правила исключительной подсудности в том случае, если они сформулированы безальтер-

нативно. Иной подход снижает эффективность договорных норм, одной из основных целей которых, применительно к исследуемому вопросу, является предотвращение конфликтов юрисдикции. Данные правила должны оцениваться как препятствие для заключения пророгационных соглашений, а также для признания и приведения в исполнение иностранных решений, принятых в нарушение этих правил.

Библиографические ссылки

1. Белова ТА, Колядко ИН, Юркевич НГ, редакторы. *Гражданский процесс. Общая часть*. 2-е издание. Минск: Амалфея; 2006. 576 с.
2. Елисеев НГ. Международная подсудность исков о правах на недвижимость. В: Лесницкая ЛФ, Рожкова МА, редакторы. *Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов*. Москва: Статут; 2008. с. 91–119.
3. Нешатаева ТН. *Международное частное право и международный гражданский процесс*. Москва: Городец; 2004. 624 с.

References

1. Belova TA, Kolyadko IN, Yurkevich NG, editors. *Grazhdanskii protsess. Obshchaya chast'* [Civil process. General part]. 2nd edition. Minsk: Amalfeya; 2006. 576 p. Russian.
2. Eliseev NG. *Mezhdunarodnaya podsudnost' iskov o pravakh na nedvizhimost'* [International jurisdiction of claims for the rights for the real estate]. In: Lesnitskaya LF, Rozhkova MA, editors. *Problemnye voprosy grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessov* [Problematic issues of civil and arbitration processes]. Moscow: Statut; 2008. p. 91–119. Russian.
3. Neshataeva TN. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i mezhdunarodnyi grazhdanskii protsess* [International private law and international civil process]. Moscow: Gorodets; 2004. 624 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 22.06.2020.
Received by editorial board 22.06.2020.